

балконы

алина
моисеева

почему они у нас такие

гараж.txt/17

18+

Алина Моисеева

Балконы: почему они у нас такие

«ВЕБКНИГА»

2024

УДК 316.7(47+57)
ББК 71.07 + 60.5

Моисеева А.

Балконы: почему они у нас такие / А. Моисеева —
«ВЕБКНИГА», 2024

ISBN 978-5-6049360-6-1

Идея книги началась с вопроса: почему у нас такие балконы? В постсоветских городах они зачастую выглядят не «по-балконному»: кто-то их перестраивает, кто-то использует как жилое пространство, а некоторые – захламляют. Перед вами художественный текст, его героиня – исследовательница. Она смотрит на балконы, слушает истории людей, делает выписки из книг и старых газет, разбирает фильмы и спектакли, выделяя сцены на балконах. Она сочетает заметки и записи разговоров с картинками и фотографиями, включает в текст короткие рассказы, иногда напоминающие сказки или сновидения. Это книга-выставка, которую можно начать читать с любого места. В первой части читатели могут наблюдать за ходом исследования, во второй – показаны его методология и результат. Героиня описывает метафорические свойства балкона-как-вещи и создает на этой основе концепцию шести балконов (шесть балконных функций).

УДК 316.7(47+57)
ББК 71.07 + 60.5

ISBN 978-5-6049360-6-1

© Моисеева А., 2024
© ВЕБКНИГА, 2024

Содержание

Странная балконная магия	6
Вступление	9
Какими бывают балконы	10
Не-балконы как балконы	11
Тексты и жанры	12
На что это похоже	13
I. Через балкон	14
Исчисление балконов (две сказки)	14
1	14
2	15
3	16
4	17
Виды видов, или Зачем фотографируют пейзажи и скамейки	18
1	18
2	18
3	19
4	19
5	19
6	20
7	21
8	21
9	22
10	22
11	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Алина Моисеева

Балконы: почему они у нас такие

© Музей современного искусства «Гараж», 2024

© Алина Моисеева, текст, 2024

© Андрей Кондаков, макет, 2024

Странная балконная магия

Зимой я приходила с уроков около двух часов дня. И, пока суп грелся на электрической плите, смотрела в окно. Через двор стояла типовая пятиэтажка, а справа от нее открывался вид на сопку, за которой был серый зимний лес. До того как остеклили балкон, я тайком ходила на него курить. А летом выносила колонку, включала Земфиру, чтобы всем было слышно, и выгуливала на нем свою черепаху, которую звали Чопой. Однажды Чопа перебралась через доску, которой я закрывала щель между заграждением и бетонной плитой, и упала с третьего этажа. Черепаха осталась жива, она несколько дней просидела в коробке, оправляясь от потрясения, а потом снова начала есть капусту и одуванчики.

В нулевые многие озаботились остеклением балконов. Остеклять балкон в Сибири мне кажется обоснованным: зимой на него наметало сугроб по пояс, и те, кто не чистили балкон, не могли им пользоваться – выставлять на противне котлеты, пельмени, холодец, вывешивать белье. Но лоджия, кроме того, была тем, с помощью чего жители моего города демонстрировали достаток и свое бытие «как все». Мать подкопила денег и наняла рабочего, который остеклил наш балкон. С тех пор я редко на него выходила.

Пару лет назад Алина Моисеева, посещавшая мои семинары про письмо, сказала, что хочет написать книгу о балконах. До этого она рассказывала, как бродила по кладбищу и обратила внимание на могилу, плита которой была обклеена осколками кафеля – таким в нулевых отделяли фартуки в кухнях и туалетах. Я тогда была заражена идеей переделок, которыми, по мнению антропологов, наши соотечественники и современники выражают заботу о пространстве и своих мертвых. Алина же по-другому интерпретировала кафельную могилу. Кажется, для нее кафель был чем-то, что ни в коем случае нельзя выбросить, его обязательно нужно было приладить куда-нибудь, чтобы он пригодился, служил украшением. Тогда мы даже немного поспорили об этом кафеле.

Спустя год мы снова встретились, и я спросила, что она делает, Алина ответила, что пишет книжку про балконы. Алина не вдавалась в подробности, но из нашей короткой беседы я поняла, что она пишет антропологическое исследование о том, почему в современной России балконы «такие»...

На них хранят хлам. Например, в моей съемной квартире балкон – это место, где я храню коробки с книгами, которые не влезли в стеллаж; еще на балконе лежит самокат, стоят табуреты, которыми мы не пользуемся, и коробка с разобранным вентилятором. Хозяйка квартиры сложила в балконные шкафы строительный клей и остатки кафеля, купленного для ванной, такого же, которым была обклеена могила из нашего разговора.

Однажды я купила маленький стол и хотела устроить на балконе кабинет. Не получилось: мне было слишком тесно и душно. В итоге мой кабинет остался нигде – как и до балконного кабинета, я работаю где попало: на кухне, на диване, в лесу.

Когда я стираю коврики или что-то габаритное, я вешаю их сушиться на балконе.

Когда дома никого нет, я встаю между двумя коробками с книгами и самокатом и курю, рассматривая ствол растущей рядом березы, слушаю детские крики на площадке.

И да, балкон съемной квартиры – это лоджия, его застеклили лет двадцать назад.

Иногда я разбираю балкон, навожу там порядок, мою полы, меняю коврик на чистый, снимаю паутину со стремянки и оконных рам. После уборки я стою довольная и курю или просто смотрю на березу. Спустя время мне становится скучно там быть – слишком пусто и от бетонной плиты холодно ногам. Я возвращаюсь в квартиру, хвастаюсь чистым балконом, а потом испытываю сухую тоску. Мне непонятно, зачем на балконе теперь так чисто и просторно. И буквально через пару дней там снова появляется какой-то хлам. Странная балконная магия.

Летом 2023-го Алина впервые прислала мне черновик своей книги, и, прежде чем обсуждать рукопись, я спросила ее, почему именно балконы. Алина ответила, что понимает балконы как лиминальные пространства: они продолжают квартиру, но находятся на улице. Во время карантина я много времени проводила на балконе, наблюдала, как люди переступают заградительные ленты на детской площадке и пьют пиво на лавочке. Мне казалось, что выходила на балкон я уставшая, а возвращалась в комнату совсем другая, обновленная.

Недавно я купила квартиру в одном из регионов России, чтобы переехать в нее из Москвы. Я выбрала старый дом с интересной историей и инженерным решением: дом в горе, поэтому окна кухни выходят во двор на первом этаже, а окна комнаты с противоположной стороны дома – на третьем. Единственное, о чем я грустила, покупая эту квартиру, что в ней нет балкона. Когда я нахожусь в квартире без балкона, я чувствую себя немного голой и спрашиваю владельцев, где они курят и куда складывают весь свой хлам. Как будто квартира без балкона – это птица без оперения, будто между комнатами и улицей нет специальной прослойки, которая могла бы обеспечить жильцам (и мне) возможность почувствовать себя в безопасности, почувствовать, что есть место вне квартиры и улицы. То же чувство у меня вызывают квартиры, выходя из которых я тут же оказываюсь в подъезде и не прохожу так называемый предбанник. Кстати, в предбаннике моей съемной квартиры тоже хранятся вещи: раскладные стулья для работы в лесу, рюкзак и строительные принадлежности хозяйки. Иногда я храню там упаковки своих авторских экземпляров.

Когда я впервые оказалась в своей квартире, подумала: и куда я буду складывать весь свой хлам? И ответом на этот вопрос был другой вопрос: почему я должна хранить свой хлам? И что со мной не так, если я хочу балкон для того, чтобы хранить там старые вещи, ненужные книги и велосипед? Неужели нельзя жить «нормально» и желать балкон – для себя, для того, чтобы проводить на нем время, читать книгу, выращивать цветы, пить кофе?

Именно этот вопрос задает Алина. Только ее вопрос звучит без возмущения и претензии. Звучит он так: кто мы? И почему мы обращаемся со своим пространством таким образом?

В ваших руках – удивительная книга. Сама Алина называет ее выставкой, и я согласна с этим определением. Эта книга – необычная выставка. На выставках посетители ходят и смотрят картины, объекты, видео, иногда взаимодействуют с ними (если это указано в инструкции). Потом оставляют или не оставляют отзыв в гостевой книге и уходят. Эту книгу-выставку можно носить с собой в сумке или кармане, можно ее забросить на балкон к остальному хламу.

А еще эта выставка говорит с ее читателем, говорит о пространстве, теле, языке. И о том, как все мы живем здесь и сейчас. Живем в вещах прошлого и смотрим на горизонты будущего. Испытываем раздражение и хотим отодвинуть ковровую дорожку, чтобы увидеть, что там за ней. Бегут кони? Солнце встает над рекой? (См. главу «Смотреть – значит ждать».) В этой книге есть место всему и прежде всего – памяти и истории читателя. Когда я редактировала эту книгу, я все время хотела говорить о повседневности, в которую я сама погружена. В некотором смысле все, о чем я здесь написала, я вспомнила благодаря книге Алины. Эта книга – о человеке в пространстве, времени и языке.

Я родилась в маленьком сибирском городе и за свою жизнь побывала во множестве российских городов. Скиталась, путешествовала, ездила в командировки и на заработки. Я ездила и замечала, что города – от Южно-Сахалинска до Калининграда – имеют общие черты. Дело даже не в архитектуре: дореволюционные постройки, бараки, сталинки, хрущевки, капром, самозародившиеся строения. Дело было в общности организации самого пространства. Например, во Владивостоке, если идти из центра на вокзал, весной и осенью можно попасть в ужасную грязь, а в любое время года – в брошенность и запустение. Наблюдая за городами, их устройством, я пыталась найти логику и связность их организации. В конце концов я пришла к выводу, что связность пространства постсоветских городов, как бы это парадоксально ни звучало, заключается в повторяющихся разрывах, пустотах и неустроенности. Мне потребовалось

несколько лет путешествий, чтобы примириться с алогичностью и пористостью пространств, в которых мы живем. И некоторое время на то, чтобы полюбить их. Освоить, как пишет Алина в своей книге.

Алина пишет, что ее метод по принципу сходен с симпатической магией: она изучала балкон и описывала его с помощью его самого. Это повлияло и на структуру книги-выставки. В ней вы найдете истории респонденток и респондентов, заметки о живописи, фотографии и кино, смешные и грустные рассказы, фантики от конфет и любительские фотографии. Логика связи этих фрагментов, визуальных и текстуальных, не линейна, она аффективна и интуитивна. Опираясь именно на эту логику, мы решаем, выбрасывать или не выбрасывать баночку от кабачковой икры, сохраняем сломанный фен и свои школьные тетради. Таким же образом наши балконы зарастают вещами, обрастают дополнительными конструкциями, живут свою балконную жизнь вместе с нами. Таким же образом устроены пространства городов, в которых мы живем.

Эта книга-выставка взволнует вас, я в этом не сомневаюсь!

Оксана Васякина, писательница

Вступление

Всем, кто любит балконы

Желание быть балконами заслуживает похвал. мы сами хотим стать балконами – и уважаем себя за это. мы любим себя за то что имеем почти одинаковую с балконами душу. балконы нам родственники – и мы рассчитываем вот-вот оторваться от земли и зависнуть над улицей на уровне второго этажа¹.

Денис Осокин. Из рассказа «Балконы»

¹ Здесь и далее во всех цитатах сохранена авторская орфография и пунктуация.

Какими бывают балконы

Елизавета Кругликова. Балкон зимой. 1918. Бумага, акватинта, цветная печать. ГМИИ им. А. С. Пушкина, Москва

Я искала определение балкона и нашла его – на этой гравюре. Елизавета Кругликова изобразила (по-моему) крыльцо или террасу, но подписала: балкон. Мне понравилось, что она (с помощью лестницы) расширила балкон-как-понятие и балкон-как-вещь. Именно такое определение я искала для этой книги.

Не-балконы как балконы

Не все сооружения, о которых пойдет речь, можно назвать балконами (или лоджиями) в строгом смысле этих слов. Многие балконы (или лоджии) перестали быть балконами (или лоджиями): их застеклили, сделали над ними надстройки, присоединили к квартире, устроили в них кабинет, кроличью ферму, заложили их со всех сторон кирпичами – и теперь такой балкон выглядит как «пропуск» в ряду других (но все-таки узнается как балкон).

Эта книга не посвящена архитектуре, она о том, зачем людям нужны балконы (или лоджии) и по каким причинам от них отказываются: почему обращаются с ними не так, как с балконами, почему переделывают во что-нибудь другое.

Тексты и жанры

Большая часть текстов написана от первого лица – это мои наблюдения, рассуждения, заметки. Кроме того, здесь есть рассказы и разговоры.

Рассказы я написала, основываясь на интервью, но это не документальные тексты. Иногда несколько личных историй я объединяла в один сюжет, иногда, наоборот, детали из одной истории включала в разные.

Я называю эти тексты рассказами, но некоторые из них похожи на сказки, некоторые – на этюды, другие – на стихотворения.

В рассказах есть героиня, *она*. Кто это, я объясняю себе примерно так: *она* услышала и запомнила эти истории, как будто они про *нее*, а я их записала, как будто они про *нее*.

Она есть в каждом рассказе, но в некоторых из них у *нее* нет персонального местоимения (написано: *они*). Когда я это заметила, то решила не исправлять, не стала выделять *ее* из группы, раз *она* сама не выделилась.

В разговорах я пересказываю мысли и наблюдения людей, с которыми мне удалось поговорить о балконах.

На что это похоже

Если сравнивать этот текст с отчетом об исследовании, то сначала представлены описание и иллюстрации (раздел I), а затем методология и концепция (раздел II).

Если сравнивать его с романом, то сначала идет его текст (глава I), а затем приводится автокомментарий (глава II).

Если сравнить с выставкой, то сначала экспозиция (зал I), а затем – кураторская записка (зал II).

аннуитет

К договору были приложены страницы, орнаментированные рядами цифр. Каждый месяц нужно

осуществлять погашение долга

«...и вычеркивать одну строку», – сказал консультант и вручил ей карандаш.

2

Три года назад в Москве возле одной из конечных станций метро, почти вплотную к ней, построили пять огромных домов. Вчера она снова там оказалась и увидела, что между выходом из метро и этими домами появилось еще семь.

Три года назад рядом с пятью огромными домами у метро была только узкая дорожка, а не место для новых семи домов. Она посмотрела в телефоне на свое текущее местоположение – на карте, как и на местности, их было двенадцать (и дорожка, та же самая).

Долго ли, коротко ли шла она, куда ей было нужно, и догадалась: строят и сам дом, и место под ним. Расширяют место в земле. Балконов на этих домах не делают, потому что для балконов нужно было бы расширять место в воздухе.

Она стала считать, сколько потребуется кубометров воздуха, чтобы он мог вместить еще и балконы. Она идет, воображая эти кубометры:

один за другим
один над другим

Представляет их и считает. Пока она производит эти вычисления, воздух не заканчивается.

3

Фото Андрея Онучина. Москва. 2023

4

Юрий Пименов. Движущаяся граница города. 1961. Холст, масло. Государственный Русский музей, Санкт-Петербург

Виды видов, или Зачем фотографируют пейзажи и скамейки

*мы-то знаем то, что знаем мы-то
выди на балкон, позырь
там стоит вселенная умытая
и пускает изо рта пузырь.*

Михаил Гронас. Из стихотворения «кап-кап-кап с тяжелых веток...»

1

Только что прошел дождь, появилась радуга. Я вышла на лоджию, отодвинула створку, выставила руку с телефоном наружу, снимаю панораму, чтобы уместилась вся дуга. Слева она вырастает из желтого коттеджа, справа вливается в лес. Внутри купола, созданного радугой, уместились гигантские новостройки (они на горизонте), церковь с колокольней, полосатые трубы электростанции, деревянная будка с антеннами, треугольные крыши частных домов – все это высовывается из леса. На переднем плане: автомойка, два автокрана и два грузовика.

Я живу на пятнадцатом этаже, в доме серии П-44Т – панельной семнадцатипятиэтажке, таких много в Москве. Я не чувствую связи с домом или районом, хотя провела здесь почти треть жизни. Только вид за окном я считаю своим: находясь в других местах, я вспоминаю этот пейзаж.

Почти на всех моих фотографиях, сделанных с этой лоджии, три четверти кадра занимает небо. Говорят, что в каждой местности небо имеет свой цвет. На моих фотографиях оно разных цветов. Небо непрерывно меняется, мои глаза воспринимают эти изменения с доступной им частотой – допустим, двадцать четыре раза в секунду. Каждое утро я вижу новое небо, но я понимаю, что оно – то же самое, что и вчера. Аналогично: каждое утро я узнаю себя в зеркале, хотя каждый день выгляжу по-разному.

2

(из разговоров)

Е. живет на десятом этаже, с балкона она видит хвойный лес (вдалеке), несколько соседних домов и школу (внизу). Она сказала, что выбрала эту квартиру, потому что вышла на балкон и увидела всю эту панораму.

К. живет на четвертом этаже, она сказала, что любит выходить на балкон и смотреть, как по реке плывут пароходы, а за рекой танцуют люди.

И. сказала: когда их компания переехала в новый офис, ей досталось место у окна. За этим окном была глухая кирпичная стена. Сначала она стала опаздывать на работу, потом болеть, потом грубить клиентам, а потом уволилась.

Е. Т. (риелтор) сказала: из-за плохого вида квартиры подолгу «висят». Сложно продавать квартиры на вторых и третьих этажах – люди не хотят смотреть на козырьки подъездов.

3

Джей Эплтон наблюдал за птицами и ящерицами, изучал, где они строят свои гнезда. Он заметил, что им важен обзор и укрытие. Колин Эллард написал в «Среде обитания»², что это можно сказать и о людях: мы стараемся находиться там, откуда удобно наблюдать, оставаясь незаметными.

В кафе я выбираю место на диване, у стены, так, чтобы было видно окно. Знание о том, где строит птица свое гнездо, объясняет мне, почему мне не нравится сидеть спиной к входной двери. Я принимаю это за объяснение, не замечая, как моя мысль прошла по кругу: я нашла аналогию там, где хотела ее найти. Я сравниваю себя с птицами и ящерицами, и это меня успокаивает: так я помещаю себя в мир животных. Для меня это знание – и обзор, и укрытие.

Колин Эллард, который в своей книге (о людях и домах) рассказал об исследовании Джея Эплтона (о птицах и ящерицах), считает, что биологического объяснения недостаточно: мы (люди) живем не только в природе, но и в обществе. По-моему, в современном городе мы никогда не знаем точно, спрятались мы или оказались на виду.

4

(из заметок)

Выписала из главы «Неприсваиваемое»: «...если в мире человека ждет брошенность и дезориентация, то в пейзаже он наконец-то попадает домой»³.

Это объясняет мне, почему я скучаю по своему виду из окна. Вне контекста эта фраза кажется сентиментальной, но сам этот концепт (неприсваиваемое) помогает мне думать о том, почему нам нужны широкие виды, почему без них человеку плохо.

5

(из конспектов)

Агамбен о неприсваиваемом (*l'inappropriabile*).

Францисканцы:

Они считали бедность высшим благом (*altissima povertà*) и отказались от собственности. Их способ жить отличался от прочих людей (в XI–XII веках во Франции). Для тех, кто не хотел ничем владеть, не было написано законов. Тогда они придумали, что можно не владеть, а пользоваться.

Хайдеггер:

Он рассуждал о том, что такое быть бедным, но в своих рассуждениях противопоставлял бедность богатству, то есть не смог определить бедность саму по себе (позитивно).

Беньямин:

² Эллард К. Среда обитания. Как архитектура влияет на наше поведение и самочувствие / пер. с англ. А. Васильевой, Е. Корякиной. – М.: Альпина Паблишер, 2021. С. 37.

³ Агамбен Дж. Творение и анархия. Произведение в эпоху капиталистической религии / пер. под ред. М. Лепиловой. – М.: Гилея, 2021. С. 93.

Он пишет не о бедности (*povertà*), а о справедливости (*giustizia*) – это благо, которым нельзя обладать. *Giustizia* не то, чем люди наделяют мир, а то, что в нем уже есть, без нашей воли и юридических законов (эту мысль я не поняла).

Агамбен:

Соединил францисканцев и Беньямина (Хайдеггер не пригодился). Быть бедным (францисканцы) или быть в «справедливом отношении с миром» (Беньямин) – это «находиться во взаимоотношении с неприсваиваемыми благами»⁴ (теперь поняла, что имел в виду Беньямин).

К неприсваиваемому Агамбен относит тело, язык и пейзаж.

6

(из конспектов)

Агамбен о пейзаже.

Люди и в древности любовались пейзажами: существуют свидетельства в текстах IV века и древние изображения (фрески в Помпеях).

Агамбен выписал из античных источников, что относят к пейзажу: «...леса, холмы, водоемы, виллы, мысы, родники, ручьи, каналы, стада и пастухов, пеших путников и лодочников, людей, выходящих на охоту или собирающих виноград»⁵.

Мы смотрим на пейзаж и видим все это, но и не видим, а как бы соединяемся с ним; не стремимся понять, а лишь смотрим (состояние «пользования собой и пользования миром»).

«Пейзаж – это пребывание в неприсваиваемом как форма жизни, как справедливость. А потому если в мире человека ждет брошенность и дезориентация, то в пейзаже он наконец-то попадает домой»⁶.

⁴ Агамбен Дж. Творение и анархия. Произведение в эпоху капиталистической религии / пер. под ред. М. Лепиловой. – М.: Гилея, 2021. С. 72.

⁵ Агамбен Дж. Творение и анархия. Произведение в эпоху капиталистической религии / пер. под ред. М. Лепиловой. – М.: Гилея, 2021. С. 92.

⁶ Агамбен Дж. Творение и анархия. Произведение в эпоху капиталистической религии / пер. под ред. М. Лепиловой. – М.: Гилея, 2021. С. 93.

7

Анна Лепорская. Пейзаж с полуфигурой. Начало 1930-х. Холст, масло. Государственный Русский музей, Санкт-Петербург

8

Человек на переднем плане сидит на траве или на скамейке или стоит за ограждением – за темно-зеленой полосой. Я додумываю детали, описывая картину словами, представляя себя на месте этой полуфигуры. Я сижу на земле, ощущаю ее неровности, уколы сухой травы; пахнет клевером и навозом; слышу голос животного (птица? лягушка?); ветер не холодный; припекает. Смотрю на дом, на забор, вспоминаю поездки на картошку на первом курсе; вспоминаю о заборах в Подмоскowie (они не такие, как на картине).

Несколько крупных капель упало мне на макушку и на джинсы – не вижу ни одной тучи, смотрю прогноз в телефоне: дождь. Делаю панорамный снимок и ухожу. Эта фотография однажды появляется на экране с указанием даты и геолокации. Смахиваю (отмахиваюсь). Если бы вместо этого фото всплыло другое поле с домиком на горизонте, я бы не заметила подмены. Фото подписано: «4 июля, Сумбулово». Я была там в этот день, и у меня сохранились: запись в блокноте, травинка-закладка в книге, упаковка лейкопластырей, которую я купила на автостанции, чтобы заклеить мозоль на пятке. Если бы не было даты и геолокации, фотография не всплыла бы на экране, а лежала в толще невидимых данных, пока я не удалила бы ее вместе с папкой «Не разобрано». Меня раздражают эти данные: координаты времени и места. Как будто кто-то подсмотрел за мной и вписал в журнал прибытия-убытия. У меня отобрали что-то такое, что никогда моим не было, но теперь я ощущаю утрату.

Зато у меня есть воспоминание.

9

Слушаю лекцию Светланы Адоньевой⁷. Она показывает фотографии, которые антропологи делали в экспедициях. Примерно каждая десятая из них – пейзажная. В некоторых местах, с которых антропологи делали свои пейзажные фотографии, есть скамейки. Их установили местные жители. Они приходят туда, чтобы посидеть.

Мне приятно смотреть на эти фотографии – на темноту реки и полосы сине-зеленых деревьев. Я не очень внимательно слушаю, отвлекаюсь, думаю о том, как это все относится к балконам (сделала об этом заметку).

На экране появилась фотография, на которой пожилая женщина встает со скамейки – собирается уходить. До этого она сидела и смотрела с холма на простор. Наверное, она вспоминала свой день или думала о будущем. Ее чувства и мысли разделялись, оформлялись и распространялись по лугам и излучинам.

Она ушла (предполагаю), потому что ей не захотелось смотреть, как фотографируют ее вид. Ей неприятно было бы увидеть себя на чужой фотографии: оказаться внутри своего (освоенного) вида, вдруг стать его элементом – это все равно что внезапно схлопнуться.

10

(из заметок)

Люди приходят посидеть на скамейках как по расписанию, произвольно согласовывая свои действия с другими людьми; это похоже на орнамент ковра или танца, об этом написала Инна Веселова в статье про узоры на варежках⁸: есть линии, которые сходятся и расходятся. То же самое можно сказать про голоса в хоре; в северных деревнях люди выходят на работу, собираются на праздник или посещают кладбище, они делают это давно, и эти занятия образовали «узор».

В ДАСе (общежитие МГУ) есть общие балконы. Когда я там жила (с 1991-го по 1999-й) студентки выходили на балконы курить или с ребенком в коляске. Общие балконы, как и эти скамейки в деревне, нужны для того, чтобы отделиться от группы, побыть одной, посмотреть

⁷ «Наслаждение видом, или О благе, не подлежащем присвоению». Лекция Светланы Адоньевой в рамках совместного проекта «Прагмемы» и БДТ им. Г. А. Товстоногова «Эпоха просвещения», 2015 (<https://youtu.be/ExlPpg5FbnA?si=RSd6mpBM4y69ggFQ>).

⁸ Веселова И. Паттерны согласованной реальности: полихромное вязание. В: Адоньева С., Веселова И. и др. Первичные знаки / Назначенная реальность. – СПб.: Пропповский центр, 2017. С. 195–228.

вдаль над пятиэтажками. Они (студентки) не вязали варежки и не танцевали кадрили. Их тела двигались не по «общему узору», а по автономным траекториям, студентки зависели от личных расписаний, поэтому иногда сталкивались друг с другом на общем балконе.

11

Однажды (в восьмидесятых) мама привезла из Тулы конфеты «Ясная Поляна». Кроме серии, у каждой из них было дополнительное название, например «Въездные ворота», «Купальня», «Любимая скамейка».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.